

В. А. Спивачук,

Хмельницький національний університет, м. Хмельницький

СВОЕОБРАЗИЕ ЗАГЛАВИЙ В РАССКАЗАХ 1920-Х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПАНТЕЛЕЙМОНА РОМАНОВА)

Своєрідність заголовку в оповіданнях 1920-х років (на прикладі творів Пантелеймона Романова) Спивачук В. О. В статті розглядається проблема заголовків в оповіданнях 1920-х років, зокрема в творах П. Романова. Доведено, що увага письменника була зосереджена на тісному співвідношенні між назвою і темою оповідання. Автор статті зосередила увагу на характерних відзнаках заголовку в оповіданнях П. Романова та сюжетно-композиційних засобах його втілення.

Ключові слова: заголовок, оповідання, сюжет.

Своеобразие заглавий в рассказах 1920-х годов (на примере рассказов Пантелеймона Романова) Спивачук В. А. В статье рассматривается проблема заглавия в рассказах 1920-х годов, в частности в произведениях П. Романова. Доказано, что внимание писателя было сосредоточено на тесном соотношении между названием и темой рассказа. Автор статьи сконцентрировала внимание на характерных отличиях заглавий в рассказах Романова и сюжетно-композиционных средствах его воплощения.

Ключевые слова: заглавие, рассказ, сюжет.

The peculiarities of the short story's title in 1920 (for example of the Romanov's short stories) Spivachuk V. O. The article deals with the peculiarities of the using of the title in the short stories of 1920 years, for example Romanov's short stories. The author shows that Romanov's intention was to succeed a deep correlation between the title and the subject-matter of his work. The author of the article focuses on the feature peculiarities of the title in Romanov's short stories and plot-composition means of its incarnation.

Key words: title, short story, plot.

Интерес к исследованию поэтики заглавия как в теоретическом, так и историко-литературном аспектах стал в современном литературоведении России и Украине неким модным поветрием. Начиная с А. Потебни, учёные касаются проблемы статуса заглавия при выяснении природы заглавия, его структуры и функции и типологии в диссертациях (Н. Веселова, М. Корытная, О. Остапчук, Н. Литовченко), многочисленных статьях авторов-лингвистов (И. Гальперин, Е. Джанджакова, В. Юганов, Е. Антипенко, Н. Кожина-Фатеева, Т. Чекенева, Т. Евса и др.), литературоведов (С. Ватченко, С. Сысоев, В. Тюпа, Е. Яблонов, С. Козлов, Н. Литовченко, Ю. Карпенко и др.). Обоснование и интерпретация термина «заглавие» введены в справочные издания, учебные пособия, в труды по теории литературы 1990-2000 году. Возник в 1997 г. проект создания специального библиографического справочника заглавий (Н. Веселова, Ю. Орлицкий, М. Скоороходова), аналог которого есть и во Франции, и в Англии. Анализ заглавия стали уделять специальное повышенное внимание исследователи поэтики произведений разных авторов и историко-литературных эпох.

Однако работ, рассматривающих роль и функции заглавия в рассказах Романова, нет. Этим как раз и обуславливается актуальность данного исследования.

Целью исследования является выявление специфических особенностей заголовочно-финального комплекса в рассказах 1920-х годов.

В ходе рассмотрения произведений можно заметить, что художественный мир каждого писателя самобытен и индивидуален, творчество – разнопланово и многотемно. Основания для выбора того или иного названия могут быть различны, но в основном они, соотносясь с текстом, призваны выявить идею, подчеркнуть тему, сконцентрировать внимание на центральной проблеме или персонаже в произведении.

Заглавие является «одним из эффективных способов обозначения или характеристики» [6, с. 54] формально-содержательного уровня. С. Кржижановский в книге «Поэтика заглавий» писал: «Заглавие – ведущее словосочетание, выдаваемое автором за главное книги. Заглавием книга ... представлена в мале» [3, с. 14]. А ведь показать адекватно произведение «в мале» и есть самая трудная задача. Так как с развитием литературы назначение заглавия изменилось, его функции расширились. Многие исследователи, занимающиеся интерпретацией понятия и термина «заглавие», соглашались в главном, что оно – «смысловой ключ произведения», как выразился В. Шкловский, «ключ к интерпретации», по мысли Умберто Эко, и даже «модель текста», по мнению Н. Фатеевой, название выступает смысловым репрезентантом текста. Не смотря на то, что функции заглавия отличаются в зависимости от коммуникативных задач произведений, какие они открывают, заглавие выполняет номинативную функцию (называет текст) и коммуникативную функцию (отделять для читателя конкретный текст среди других).

Разнообразие заглавий, вероятно, не уступает разнообразию самих произведений. Воспоминания современников говорят о том, что психология озглавливания, хотя и уникальна в каждом отдельном случае, однако имеет три основные тенденции: дотекстовые заглавия, внутритекстовые заглавия и Post Scriptum [2, с. 27–29].

Классическим примером дотекстового заглавия считаются «Мертвые души» (1842) Н. Гоголя. Неоднократно перерабатывая свою поэму, Н. Гоголь всегда оставлял название неприкосновенным. И действительно «силовое поле заглавия, с парадоксальной смелостью, сочетающего два взаимоисключающих понятия «мертвые души», символически распространяется не только на текст поэмы, но и на целую историческую эпоху в жизни России» [2, с. 27].

У П. Романова не встречаются названия рассказов, в которых несочетаемость определения и понятия есть столь очевидной. Оксюморичность или алогичность названия рассказов П. Романова становится ощутимой только после знакомства с текстом и анализом внутреннего смысла изложенных событий.

Таково название «Блестящая победа». В нем нет прямого противопоставления или несоответствия между определением и определяемым. Однако детальное рассмотрение сюжетной содержательности рассказа приводит к тому, что сочетание «блестящая победа» наполняется почти противоположным смыслом.

Особой разновидностью дотекстовых заглавий можно считать так называемые «бродячие» заглавия (Н. Лесков). Бродячими заглавиями называются несколько произведений «между которыми сюжетно нет ничего общего» [2, с. 27].

Внутритекстовые заглавия встречаются в следующих рассказах П. Романова: «Русская душа» – первоначальное название «В родном краю» (1916), «Дом №3» – «Дом №3-а» (1918), «Экономическая основа» – «Первая любовь (Элегия)»

(1926), «Московские скачки» – «Для удобства публики» (1933), «Картошка» – «Плохая организация» (1932) «Неначатая страница» – «Отец Фёдор» (1911), «Зима» – «Женщина» (1915).

К третьему типу заглавий относятся такие рассказы П. Романова: «Дым» (1917), «Звери» (1918), «Технические слова» (1925), «Значок» (1920), «Соболий воротник» (1918) и другие. В этих рассказах конечные фразы раскрывают глубинный смысл заглавия. Заглавие в союзе с начальными и конечными строками облегчает текст и смысл всего произведения, обводит его главное в рамку.

А. Ламзина предлагает группировать заглавия, выделяя типы, образующие устойчивую традицию в истории литературы. В основу её классификации «положено соотношение заглавия с традиционно вычленимыми компонентами произведения: тематическим составом и проблематикой, сюжетом, системой персонажей, деталью, временем и местом действия» [4, с. 97–100]. В свою очередь, Е. Пономарёва предлагает классификацию заглавий рассказов 1920-х годов, опираясь на идею синтеза, «доминирующую в эти годы» [8].

По классификации А. Ламзиной (заглавия, представляющие основную тему или проблему произведения; заглавия, задающие сюжетную перспективу произведения; персонажные заглавия; заглавия, обозначающие время и пространство) рассказы П. Романова можно распределить следующим образом: к первому типу относятся такие произведения, как «Звери» (1925), «Московские скачки» (1933), «Без черёмухи» (1926), «Иродово племя» (1927), «Хулиганство» (1926), «Верность» (1931) и др.

Заглавия, задающие сюжетную перспективу произведения, условно делятся на две группы: фабульные и кульминационные. Такое деление позволяет говорить о том, что многие названия рассказов П. Романова подпадают под этот тип заглавий, так как в романовских заглавиях обозначена сюжетная деталь, которая оказывается важной для завязки или развязки действия. Также у П. Романова есть и описательные заглавия, которые раскрывают сюжетный комизм ситуации, например, в рассказах «Право на жизнь, или Проблема беспартийности» (1927), «Зелёная армия или умные командиры» (1920) и др.

Персонажные заглавия представлены в творчестве П. Романова не только антропонимами («Смерть Тихона» (1923), «Алёшка» (1917), «Шерлок Холмс» (1937) и др.), но и заглавиями по эмоциональной оценке героя, которая передаётся метафорой («Блаженные» (1917), «Обетованная земля» (1918), «Три кита» (1918), «Дубовая снасть» (1922), «Козьяки» (1923) и др.), эпитетом («Вредный человек» (1919), «Беззащитная женщина» (1918), «Тяжёлые вещи» (1918), «Вредная штука» (1919), «Непонятное явление» (1926), «Скверный товар» (1920), «Нераспорядительный народ» (1920), «Бессознательное стадо» (1920), «Несмелый малый» (1923), «Народные деньги» (1926) и др.). Также герой рассказов П. Романова может быть назван по одному из его признаков: национальности, («Итальянская бухгалтерия» (1921), «Русская душа» (1916), «Шведская машина» (1926) и др.), профессии («Хороший начальник» (1926), «Художники» (1926), «Плохой председатель» (1920), «Спекулянты» (1921), «Землемеры» (1923), «Хулиганство» (1926), «Кучка разбойников» (1918), «Актриса» (1937) и др.). Вышеперечисленные рассказы относятся к группе заглавий, которые содержат прямое указание на объект (по классификации Е. Пономарёвой).

П. Романов нередко обозначает в заглавии место действия: «Комната» (1924), «Дом № 3» (1918), «У парома» (1926), «Суд над пионером» (1927), «Московские скачки» (1933), «Заколдованные деревни» (1925), или время «Один час» (1916), «Мгновение» (1934). Также в подзаглавии у П. Романова имеется точная дата описываемой эпохи: «О коровах. Эпоха 1918 г.» (1921), «Дар божий. Эпоха 1920 года» (19), «Богатство. Эпоха 1919 г.» (1919), «Крепкий народ. Эпоха 20-го года» (1920), «Закон. Эпоха 20-го года» (1920), «Хороший комитет. Эпоха 1917 года» (1918) и др.

Классификация Е. Пономарёвой во многом перекликается с классификацией заглавий С. Кржижановского и А. Ламзиной. Поэтому остановимся лишь на тех разновидностях заглавий, которые не были рассмотрены выше.

Одно их таких заглавий – заглавия, содержащие установку на объективность маркировки специфических жанров, представлены рассказами П. Романова «Русская душа. Эюд» (1916), «Буфер. Шутка» (1922), «Хорошая наука. Эюд» (1918) и др.

Заглавия, содержащие интертекстуальный знак, присущи рассказам П. Романова. Интертекстуальность в этих случаях основывается на аллюзии. У П. Романова есть рассказы, которые близки и в чём-то схожи со многими произведениями А. Чехова, А. Куприна и др.

Заглавий, передающих повествование другому субъекту, и заглавий, включающих объект изображения, П. Романов не использовал, потому что в произведениях писателя «автор совсем невиден» [5, с. 19], здесь «говорят персонажи, и их голоса воссоздают и человеческие характеры, и эпоху» [5, с. 19], а П. Романов лишь описывал, передавал на бумаге увиденное или услышанное когда-то. Ведь «только тот писатель своей эпохи останется жить для других эпох, который не потеряет в бурном потоке событий самого себя» [10, с. 676]. Но в названии сборников произведений П. Романов использовал заглавия, включающие объект изображения (к примеру, сборник «Рассказы о любви», 1925 год, в альманахе «Прибой»).

Заглавие, содержащее указание на характер рассказа, относится к произведению П. Романова «Замечательный рассказ» (1931).

К «романтизированным» заглавиям, в которых много штампов, клише (в том числе соответствующих «духу времени») можно отнести рассказы П. Романова «Без черёмухи» (1926), «Чёрные лепёшки» (1925), «Блестящая победа» (1931), «Крепкие нервы» (1926).

Заглавия, включающие мифопоэтический компонент или сакральную образность, встречаются в названиях рассказов «Дар божий» (1925), «Святая милостыня» (19), «Смерть Тихона» (1923), «Счастье» (1913–1925), «Святая женщина» (1925), «Страх» (1926).

Заглавие, маркирующее фабулу, являющееся косвенным указанием на жанрово-стилевые особенности произведения присуще рассказу «Светлые сны» (1919), в котором персонажи рассказа жалуются друг другу, что «сны прямо замучили» [9, с. 283]. В заглавии этого рассказа присутствует знак «новеллистической ситуативности» [8] – «сны», который предполагает прогнозируемый сюжет. П. Романов сосредоточил внимание в произведении на снах стариков, не могущих заснуть при красно-жёлтом ущербном месяце, который «бледно светил над церковью» [9, с. 282]. Присутствие красно-жёлтого цвета характерно для рассказов П. Романова («У парома» (1926), «Смерть Тихона» (1923) и др.). Красный цвет выступает в произведениях писателя с отрицательной экспрессией. Это цвет – беды, которая непременно должна случиться с персонажем. Также красный цвет выступает в образе «смерти» или символе чёрта, нечистой силы. Таким образом, цвет в творчестве П. Романова играет текстообразующую и смыслообразующую роль.

Заглавие, маркирующее имитацию фольклорных жанров, присуще рассказу П. Романова «Арабская сказка» (1927), а так же, как уже отмечалось выше, рассказам писателя свойственны фольклорная организация сюжета, когда трижды персонажи выполняют поставленное задание («Пределы власти», 1918) или меняют заведующего («Непонятное явление», 1926).

Заглавия-символы присутствуют в названиях рассказов П. Романова. Отдельную группу составляют те заглавия, в которых определяется время года: «Зима» (1915), «Осень» (1914). Традиционно названия времён года отвечают четырём периодам жизни человека.

Рассказы П. Романова богаты на заглавия-символы, которые только нужно заметить и понять, потому что художественный мир произведений писателя наполнен всевозможными «специфическими, выработанными в течение многих веков средствами изобразительности и выразительности» [1, с. 177]. «Речевая характеристика героев, использование различных видов диалективизмов, применение всесторонне разработанной системы тропов, ... синтаксические средства – всё это помогает писателю создать выразительный, впечатляющий художественный образ» [1, с. 177], но «без богатого и разнообразного языка невозможно, разумеется, создать ни типические характеры, ни типические обстоятельства» [1, с. 177].

Наблюдения над поэтикой заглавия рассказов П. Романова показывают, насколько точно и справедливо замечание А. Пешковского о том, что «заглавие книги есть всегда нечто большим, чем название» [7, с. 32]. Заглавия рассказов П. Романова обычно называют, а не вопрошают и не призывают. Заданность всего сюжетного развития П. Романов часто определял уже в заглавии того или иного рассказа. Названия рассказов П. Романова, в большинстве своем, не содержат имен или фамилий персонажей. Они обрисовывают ситуацию, определяют ее сущностный смысл или подводят окончательный итог сюжетного развития. Романовские заглавия очень точно передают смысл содержания, глубоко проникая в него. Даже в тех случаях, когда заглавия рассказов иногда схематичны или нарочито алогичны, они заставляют читателя задуматься и проанализировать прочитанное.

Литература:

1. Дремов А. К. О художественном образе / А. Н. Дремов. – М. : Советский писатель, 1956. – 227 с.
2. Кожина Н. А. Нечто большее, чем название: [О смысловых и лингвистических связях между текстом и заглавием художественного произведения] / Н. А. Кожина // Русская речь. – 1984. – № 6. – С. 26–32.
3. Кржижановский С. Д. Поэтика заглавий / С. Кржижановский. – М. : Никитинские Субботники, 1931. – 32 с.
4. Ламзина А. В. Заглавие / А. В. Ламзина // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / [Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, С. Н. Бройтман и др.]: под ред. Л. В. Чернец. – М. : Высшая школа, Академия, 1999. – С. 94–107.
5. Никоненко С. С. Я не описываю смешных положений / Ст. Никоненко // Антология сатиры и юмора России XX века. Т. 34. Пантелеймон Романов. – М. : Эксмо, 2004. – С. 9–23.
6. Нямцу А. Е. Основы теории традиционных сюжетов / Анатолий Нямцу. – Черновцы : Рута, 2003. – 80 с.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – [изд. 7-е.] / А. М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1956. – 511 с.
8. Пономарёва Е. В. Феномен заголовочно-финального комплекса в русской новеллистике 1920-х годов [Электронный ресурс] / Пономарёва Е. В. – Режим доступа : <http://science.rggu.ru/article.html?id=51177>
9. Романов П. С. Повести и рассказы / Пантелеймон Романов. – М. : Худож. лит., 1990. – 496 с.
10. Романов П. С. Свежесть жизни : из дневников и записных книжек / Пантелеймон Романов // Антология сатиры и юмора России XX века. Т. 34. Пантелеймон Романов. – М. : Эксмо, 2004. – С. 663–676.

УДК 821.161.2–32.09 «18/19»

Т. Ткаченко,

Київський національний університет імені Тараса Шевченка, м. Київ

ОБРАЗ НАРАТОРА У МАЛІЙ ПРОЗІ ОСИПА ТУРЯНСЬКОГО

У статті досліджується образ наратора у малій прозі Осипа Турянського, з'ясовуються формальні та змістові доміанти художніх текстів письменника. Особлива увага звернена на жанрові пошуки автора, засоби характероворення, розкриття світоглядних позицій персонажів та структуротвірних складників творів.

Осип Турянський презентує різножанрові художні тексти у малій прозі, а саме: притча, замальовка, оповідання. Зображаючи звичайних людей та їхні повсякденні клопоти, він зосереджує увагу на дослідженні характерів, які мають відмінні пріоритети, по-різному сприймають буття і відповідають на його запити залежно від віку, стану, статі, однак залишаються членами єдиної громади. Наратор у творах може відігравати роль спостерігача («Де сонце»), співрозмовника автора, читача й учасника дійства («Ех, коб мене були вчили»), розповідача і коментатора («Курка»). Відповідно до змістового стрижня тексту Осип Турянський використовує образи-символи, тпажі, фольклорний інтертекст, але водночас він порушує актуальні освітні, політичні, соціальні та філософські проблеми.

Ключові слова: наратор, нарація, притча, символ, інтерпретація, замальовка, інтертекст, ідиостиль.

В статье исследуется образ наратора в малой прозе Осипа Турянського, изучаются формальные и смысловые доминанты художественных текстов писателя. Особое внимание уделяется жанровым поискам автора, способам и средствам образной характеристики, раскрытию мировоззрения персонажей и структурообразующих составляющих произведений.

Осип Турянський представляє різножанрові тексти в малій прозі, а іменно: притча, зарисовка, розповідь. Зображаючи звичайних людей, їхні повсякденні клопоти, він концентрує увагу на дослідженні характерів, у яких різні пріоритети, які по-різному сприймають життя і відповідають на її запити в залежності від віку, статусу, статі, однак залишаються членами єдиного суспільства. Наратор у творах може грати роль спостерігача («Де сонце»), співрозмовника автора, читача і учасника дійства («Ех, коб мене учили»), розповідача і коментатора («Курка»). В відповідності до змістового стрижня тексту Осип Турянський використовує образи-символи, фольклорний інтертекст, одночасно піднімає актуальні образотвірні, політичні, соціальні та філософські проблеми.

Ключові слова: наратор, наратив, притча, символ, інтерпретація, зарисовка, інтертекст, ідиостиль.

The article deals with the narrator's image in the small prose by Osyp Turianskyj. It investigates the main formal and sense components of the short stories and picks out the peculiarities of the writer's individual style. The research reveals the author's accents in the reflection of vital problems and situations.

The writer represents ordinary week-days of Ukrainians. Osyp Turianskyj raises philosophic, political, national, educational and ethical questions. He analyzes the age difference of the world outlook and disposition in the original parable «Where is the Sun». The author opens the characters in the dialogue between grandpa and grandchild. The boy helps grandfather to understand that sunshine is in the heart. The narrator is the observer only.